

Уже в юности Драгоманов был человеком крайне одаренным, он много читал, причем научной литературы. К концу 1860-х годов он уже был признанным, как сейчас сказали бы, «политическим лидером, влияющим на общественное сознание». Его убеждения — смесь социализма и украинского автономизма — были настолько необычными, что и простое определение «первый украинский социалист» к Драгоманову не слишком подходит. С одной стороны, он был яростным сторонником украинской автономии, украинского языка и вообще определения «украинец» как особой национальности. Его работа «Что такое украинофильство» — яркий пример воззрений Драгоманова. Там акценты предельно четко расставлены. Украина была всегда, и даже в составе Польши это почти отдельная страна, украинская нация существует давно, и она, безусловно, не хуже русских, заслуживает уважения, и сама Малороссия/Украина ничуть не менее цивилизованна, чем Россия, а местами и более. Но это с одной стороны, а с другой — в его работах часто встречается словосочетание «русины-украинцы». Даже будучи глубоко убежденным в особом пути украинского народа, он продолжал считать, что у него общий корень с русским народом.

Обертаючись спеціально до нас, русинів-українців, трудно навіть сказати, яка, власне, віра в нас може вважатись за фактично національну? Коли взяти пам'ятники «народної мудрості» — легенди, пісні, прислів'я українські — та по них характеризувати народну релігію, то побачимо, що в ній над ґрунтом натуралістично-політеїстичним лежить найбільше кора релігії маніхейсько-богумільської, як і в болгар, сербів і великорусів, так що коли б треба було застосувати до якої з історичних релігій наш народ, то я б його застосував скорше всього до богумільства, і наперед хвалюсь, що одолію кожного свого противника в науковім

спорі про цю справу. А тим часом одні з наших народовців вважають за нашу народну віру православ'є, другі — унію, треті — навіть римський католицизм.*

*(*Обращаясь специально к нам, русинам-украинцам, трудно даже сказать, какая, собственно, вера в нас может считаться за фактически национальную? Если взять памятники «народной мудрости» — легенды, песни, поговорки на украинском — и по ним характеризовать народную религию, то увидим, что в ней поверх почвы натуралистически-политеистическим лежит прежде всего покров религии манихейско-богумильской, как и у болгар, сербов и великороссов, так что если бы надо было применить наш народ к какой-нибудь из исторических религий, то я бы его применил скорее всего к богумильству, и заранее хвалюсь, что одолею каждого своего противника в научном споре об этом деле. А между тем одни из наших народников считают нашей народной верой православие, другие — унию, третьи — даже римский католицизм.)*

Драгоманов всегда был крайним противником монархии, но при этом таким же страстным противником террора и революций, он полагал, что только добиваясь реформ, можно изменить страну. И национальное движение для него было частью мирового социалистического движения. Народное пробуждение должно быть лишь инструментом для больших преобразований общественного строя. В одной из статей он в нескольких словах выразил эту мысль: «Космополитизм в идеях и целях, национальность в основе и форме культурной работы». И национальный украинский вопрос мог быть, по его мнению, разрешен только в рамках большого государства, внутри России.

Отделение украинского населения от других областей России в особое государство (политический сепаратизм), — есть вещь не только во всяком случае очень трудная, если не невозможная, но при известных условиях вовсе ненужная для каких бы то ни было интересов украинского народа.

Украинские автономисты и русская революционная молодежь, полагал Драгоманов, борются за одни идеалы — реформы в Российской империи. А чтобы изменить жизнь в империи, чтобы сделать ее социально справедливой, нужно решить две задачи: ограничить самодержавие и децентрализовать систему управления. Нужно широкое самоуправление в общинах, уездах, областях, нужно гарантировать неприкосновенность местных обычаев и языка, и наступит новая эра, новая справедливая эпоха. Он пишет статью «Опыт украинской политико-социальной программы», и в ней предлагает разделение Российской империи на 20 регионов по географическому, экономическому и этнографическому принципу. Ему кажется, что такая система должна устроить всех, и украинский народ вместе с русским будут строить новую Россию.

Люди, посвятившие себя освобождению украинского народа, будут самыми горячими сторонниками преобразования всей России на началах наиболее благоприятных для свободы развития всех ее народов.

Вот еще дословная цитата из Драгоманова:

Политическая свобода есть замена национальной независимости, и к этому он как раз и стремился всю жизнь.

Как вспоминают современники, авторитет Михаила Драгоманова среди членов Киевской громады, среди украинофилов был огромен. Его идеология существовала вне всякой полемики — но в этом и была проблема.

Эта безмолвность означала не столько единомыслие, сколько отсутствие политической мысли. То были хорошие этнографы и статистики, вроде Чубинского и Рудченко, хорошие филологи и литературоведы, вроде

Житецкого, Михальчука, Антоновича; они наполнили «Записки» киевского отдела Русского Географического Общества ценными трудами, но в политическом отношении были людьми малоразвитыми. Драгомановский социализм принимали потому, что ничего ни изобрести, ни противопоставить ему не могли.

Когда был подписан Эмский указ, Драгоманова тут же лишили кафедры в университете. Увольнение Драгоманова не обошлось без прямого участия Михаила Юзефовича. Драгомановские социалистические идеи о федерализме и украинском самоопределении, конечно же, показались крайне деструктивными. И решив, что в России его больше ничего не держит, он уехал в Галицию, куда, как я уже упоминал, отправилось множество малороссийских украинских деятелей. Впрочем, это была не единственная причина. Украинское движение было малочисленным и скорее представляло собой этакий межрегиональный интеллектуальный клуб, далекий от реальной политической жизни страны.

Драгоманов, видимо, прошел болезненный процесс осознания этого. Он, подобно Костомарову или Кулишу, был сторонником идеи большой славянской федерации, куда на равных правах вошла бы и Украина. В 1876 году началось болгарское и сербское восстание в Османской империи. Россия вступила в войну против Турции, а со всех концов страны на Балканы хлынули русские добровольцы. Киевские громадовцы, собравшись на квартире Драгоманова, решили отправить свой, отдельный украинский отряд, чтобы на Балканах воевать под своим флагом. За добровольцами отправились в Одессу и стали их искать, собственно, в Киеве. Результат оказался просто унижительным: в Одессе нашелся один доброволец,

в Киеве еще пятеро, и то несколько из них просто искали способ сбежать за границу, потому что были в розыске. Нет точных сведений, что именно этот случай повлиял на окончательное решение об отъезде, но на Драгоманова он произвел удручающее впечатление.

Впрочем, он не смог найти себя и в Галиции. Потому что, подобно Кулишу, столкнулся там с дремучим, диким национализмом. Малороссийские украинофилы видели в украинской идее возможность развития украинского народа, украинской литературы, культуры, чтобы украинский народ занял свое место в большой семье славянских народов. То есть основой малороссийских политических воззрений было уважение прочих народов наряду с правами народа украинского. В Галиции Драгоманов был шокирован провинциальным шовинизмом, узколобостью и националистической идеологией местных «народовцев» и украинцев. Для него было странным видеть, что галицийское украинство только и занимается поиском врагов, москальских шпионов, и в принципе вся его идеология базируется на том, что русин-украинец безусловно лучше москаля или жида. Из переписки Драгоманова:

Все народы — русские, или поляки, или украинцы — имеют и своё плохое и свое хорошее в натуре. Плохое больше происходит от малого образования, чем из природы народов, и поэтому нам всем — и русским, и полякам, и украинцам — вместо того, чтобы враждовать, нужно просвещаться и добиваться вместе свободы.

Драгоманов писал статьи в галицийские газеты, где разъяснял — в Малороссии нет такого широкого сепаратистского движения, в Малороссии есть борьба за права украинцев в России, он объяснял,

что в Малороссии нет «австрофильской партии». Это был его ответ на публикации «народовских» деятелей о том, что, дескать, малороссы только и мечтают, что отделиться от Российской империи и попасть под власть австрийской короны. В этих статьях упоминалась некое «Киевское королевство», и что есть претендент на его престол. Этот информационный фон появился не случайно, и чуть позже я вернусь к пропаганде идей создания Киевского королевства. А еще в Галиции Драгоманов увидел, как деградирует малороссийская, украинская литература. Сам он как раз был уверен, что именно литература на народном языке станет мотором украинского ренессанса. И поэтому все образованные малороссы обязаны знать родной язык, точнее язык крестьян и казаков.

В России были времена, когда даже без всякого применения национальной воли, высшие сословия настолько погнались за языком французским, что некоторые из них почти не умел говорить по-русски. Патриоты-моралисты упрекали их и прославляли местный родной язык почти теми же словами, которые читаем у наших народников. И ничто не помогало, пока не появились на русском языке Жуковский, Пушкин, Лермонтов, которые смогли сделать конкуренцию французским писателям. Теперь все дело там окончено. И у нас не может быть иначе.

Драгоманов ждал появления украинских писателей европейского уровня, вместо этого он увидел, как весьма посредственные авторы, порой обычные графоманы, но пишущие на украинском языке, в Галиции добиваются успеха исключительно по политическим мотивам. Слово историку Николаю Ульянову:

Поведение беллетристов Драгоманов объясняет их бездарностью. Ни Чайченко, ни Конисского, ни Панаса Мирного, ни Левицкого-Нечуя никто на Украине не

читал. Некоторые из них, как Конисский, испробовали все способы в погоне за популярностью — сотрудничали со всеми русскими политическими лагерями, от крайних монархистов до социалистов, но нигде не добились похвал своим талантам. В Галиции, где они решили попробовать счастья, их тоже не читали, но галицийская пресса, по дипломатическим соображениям, встретила их ласково. Они-то и стали на Украине глашатаями лозунга о Галиции, как втором Отечестве.

В итоге Драгоманов уехал из Галиции, так, похоже, никем и не понятый. Он открыл в Швейцарии типографию, а умер в Болгарии, в Россию так никогда и не вернувшись. В Швейцарии его ожидал еще один неприятный опыт. Свой журнал «Громада» он стал издавать только на украинском языке. Ни слова на русском. Вот из его «Писем на приднепровскую Украину» («Листи на наддніпрянську Україну», 1894):

Почну з того, що скажу, що женеvські видання були початі зовсім не з моєї індивідуальної ініціативи, а цілими кружками дуже гарячих українців, навіть націоналістів, і до того далеко не зеленими молодиками, а людьми досить стиглими й досить ученими. І що ж? Як тільки прийшло до рахунку праць для перших книг «Громади», зараз же почулись голоси, щоб допустити писання не тільки на українській мові, а й на російській. З огляду на хвилеві інтереси видання се було найліпше. Але ж я поставив справу на ґрунт принципіальний, між іншим, щоб спробувати силу щирості і енергії українських прихильників «Громади», і настояв на тому, щоб «Громада» печаталась уся по-українському. Послідком було те, що 10 з 12-ти головних співробітників «Громади» не написали в неї ні одного слова, і навіть замітки проти мого «космополітизму» були мені прислані одним українофілом — по-московському! З двох десятків людей, котрі обіцяли працювати для «Громади», між котрими деякі кричали, що треба «помститись» урядові за заборону українського письменства в Росії, зосталось при «Громаді» тільки 4...*

(«Начну с того, что скажу, что женевские издания были начаты совсем не по моей индивидуальной инициативе, а целыми кружками очень горячих украинцев, даже националистов, и к тому далеко не зелеными юнцами, а людьми очень зрелыми и достаточно учеными. И что же? Как только дошло до распределения работы по первым выпускам “Громады”, сейчас же послышались голоса, чтобы допустить писания не только на украинском языке, но и на русском. Учитывая текущие интересы издания, это было бы лучше. Но я поставил дело на принципиальную основу, между прочим, чтобы попробовать силу искренности и энергии украинских сторонников “Громады”, и настоял на том, чтобы “Громада” печаталась вся по-украински. Последствием было то, что 10 из 12 главных сотрудников “Громады” не оставили в ней ни одного слова, а также против моего “космополитизма” одним украинофилом мне были присланы заметки — по-русски! Из двух десятков человек, которые обещали работать для “Громады”, и между которыми некоторые кричали, что надо “отомстить” правительству за запрет украинской литературы в России, осталось при “Громаде” только 4...»)*

Сам Драгоманов соглашался, когда язык его издания критики называли варварским:

Інакше не могло бути, бо нам зразу прийшлося, та ще на чужині, заговорити по-українському про сотні речей з світу науки, політики, культури, про котрі по-українському не говорив ніхто ні в Росії, ні навіть в Галичині, де були університетські катедри з «руським» викладом. По правді треба сказати, що ми потратили страшенну працю майже задурно: нас не читали навіть найближчі товариші. За весь час женевських видань я получав від найгорячіших українолюбців раду писати по-українському тільки про спеціально-крайові справи (домашній обиход!), а все загальне писати по-російському*.

(«Иначе не могло быть, потому что нам сразу пришлось, да еще и на чужбине, заговорить по-украински о сотнях вещей из мира науки, политики, культуры, о которых по-украински не говорил никто ни в России, ни*

даже в Галичине, где были университетские кафедры с “русским” преподаванием. По правде надо сказать, что мы потратили страшные усилия почти даром: нас не читали даже ближайшие товарищи. За все время женеvских изданий я получал от горячих украинолюбцев совет писать по-украински непосредственно только о местных делах (домашнем обиходе!), а все общее писать по-русски».)

Обращу внимание читателя — украинский язык, точнее, сочиненный в Галиции для русинов/русских новояз Драгоманов называет «русским». И это ведущий украинофил Малороссии! То есть, как я уже говорил, это было время перемен, никто точно еще не знал, как именовать новый язык, и есть ли на самом деле новая украинская идентичность. Более всего Драгоманова пугало то, что в украинофильской среде Галиции преобладают откровенно русофобские идеи Духинского о клятых туранцах-москалях, идеи Потоцкого и «Истории русов...». Впрочем, Драгоманов сам сделал немало для того, чтобы в Галиции и Малороссии возникла именно такая ситуация, чтобы из научных рассуждений об истории вырос монстр националистической идеи. В своих произведениях он, конечно, прямую ненависть к России не культивировал, но его рассуждения о насильственной русификации малороссов, о том, что Москва отдала вольных малороссов в крепостное право польским панам, свое влияние на умы оказали. Образованный, блестящий мыслитель, ученый и политик, он, с другой стороны, так и остался сторонником мифа о «великом казачьем прошлом».

У нас были вольные люди казаки, которые владели своею землею и управлялись громадами и выборными старшинами; все украинцы хотели быть такими казаками и восстали из-за того против польских панов и их короля; на беду только старшина казацкая и многие казаки не сумели

удержаться в согласии с простыми селянами, а потому казакам пришлось искать себе помощи против польской державы у московских царей, и поступили под московскую державу, впрочем не как рабы, а как союзники, с тем, чтоб управляться у себя дома по своей воле и обычаям. Цари же московские начали с того, что поставили у нас своих чиновников, не уважавших наших вольностей, ни казацких, ни мещанских, а потом поделили Украину с Польшей, уничтожили все вольности украинские казацкие, мещанские и крестьянские, затем цари московские роздали украинскую землю своим слугам украинским и чужим, закрепили крестьян, ввели подати и рекрутчину, уничтожили почти все школы, а в оставшихся запретили учить на нашем языке, завели нам казенных, невыборных попов, пустили к нам вновь еврейских арендаторов, шинкарей и ростовщиков, которых было выгнали казаки, — да еще отдали на корм этим евреям только нашу землю, запретив им жить в земле московской... Теперь... хотим мы быть все вновь равными и вольными казакам.

Причем что важно — на этой мифологии до сих строится вся украинская историография. На ней и на мифе об истории Древней Руси-Украины. И Антонович и Грушевский сыграли важную роль в формировании этого.

Еще один яркий деятель Киевской громады — Владимир Бонифатьевич Антонович. Он родился в польской дворянской семье, родители — преподаватели, сам сначала выучился в Киеве на медика, потом закончил историко-филологический факультет Киевского университета.

Владимир Антонович был в молодости известным «хлопоманом», потом одним из собственно организаторов Киевской громады. И при этом он был, безусловно, прекрасным историком. Это он руководил изданием «Архива Юго-Западной России», куда вошли все возможные документы из жизни Малороссии

с 1386 по 1798 годы, то есть это и времена Великого княжества Литовского, и Польши, и собственно российский период. Анто́нович считался одним из лучших специалистов по истории Литовской Руси, археологии, нумизматики.

Учениками профессора Киевского университета Владимира Анто́новича были почти все малороссийские историки конца 19 века: Багалей, Голубовский, Данилевич, Дашкевич, Линниченко. Его университетские лекции были беспристрастными и ровными — никакой политики, никакой агитации и украинофильства. Только факты, только изложение исторического процесса. Причем говорил он об истории Руси. Ни Украина, ни украинский народ на его лекциях никогда не упоминались. Анто́нович читал четыре курса: историю Древней Руси, историю Галицкой Руси, историю Великого княжества Литовского и историю малорусского казачества. Эти лекции издавались как отдельные учебники, по ним учились студенты не только в Киеве. В кабинете профессора висел портрет сотника Ивана Гонты, одного из предводителей восстания гайдамаков 1768 года. Анто́вича считали одним из главных деятелей украинофильского движения, хорошим агитатором, но внешне он никогда не казался открытым врагом русской государственности или явным малороссийским сепаратистом. Он и книги-то писал только на русском. Но в Киеве в конце 19 века упорно ходили слухи, что у себя дома, для узкого круга знакомых и студентов, он читал лекции на украинском языке, причем лекции были не только по истории казачества, но и по истории Ирландии, потому что она тоже, как Украина, угнетена, и может дать живой пример борьбы за самоопределение и независимость.